

УДК 1(091)

**ТЕОРИЯ НАРРАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ИСТОРИИ И НАСЛЕДИЕ ПРАГМАТИЗМА¹****Б.Л. Губман**

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается влияние наследия прагматизма и неопрагматизма на формирование теории наррации в аналитической философии истории. Показано, что итогом восприятия рядом ведущих представителей аналитической философии истории идей прагматизма и неопрагматизма явились их трактовка специфики нарративных предложений, взаимосвязи истории и хроники, структурной организации исторического повествования, неразрывными узлами сопряженного с настоящим и будущим, а также предлагаемое ими истолкование ценностно-мировоззренческих и теоретических оснований формирования такового.

Ключевые слова: аналитическая философия истории, теория наррации, прагматизм, неопрагматизм, нарративные предложения, нарратив, история и хроника.

Разработка теории наррации – одна из центральных тем аналитической философии истории. Возникнув во второй половине 20-го столетия в границах аналитической философии как альтернатива спекулятивной субстанциалистской теории исторического развития, это направление философско-исторической мысли, сфокусированное по преимуществу на создании эпистемологии истории, получило первоначально распространение в Великобритании и США, а затем завоевало сторонников в континентальной европейской мысли и в иных культурных ареалах. К числу наиболее крупных представителей аналитической философии истории принадлежат У.Б. Галли, А. Данто, У. Дрэй, Г. Фэй, Г. Келлнер, Л. О. Минк, Ф. Анкерсмит, М. Уайт, Х. Уайт и др. авторы. Обращаясь к теме исторического повествования, многие из этих теоретиков так или иначе опираются на идейное наследие прагматизма. Такой интерес к традиции прагматизма, разумеется, неслучаен, поскольку корпус его классических принципов активно повлиял на становление аналитической философии, на базе которой сложилась достаточно оригинальная версия эпистемологии истории. Прагматизм и неопрагматизм продолжают и сегодня питать искания сторонников аналитической философии истории, в рядах представителей которой есть теоретики, акцентирующие свою приверженность платформе прагматистского философского теоретизирования. Наиболее ярким примером в этой связи служит эпистемология истории М. Уайта, возникшая в рамках развиваемой им доктрины «холистского прагматизма». Одновременно многие из создателей работ, написанных в методологической стилистике аналитической философии истории, не присоединяясь полностью к традиции фи-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047.

лософии прагматизма, акцентируют значимость ряда центральных её положений, касающихся трактовки человеческого опыта и его временного измерения, для развития эпистемологии истории. В формате настоящей статьи предпринята попытка выяснить специфику восприятия платформы прагматизма и неопрагматизма в границах аналитической философии истории.

Прагматизм и неопрагматизм: «Парменидова реальность» и событийность мира

В трудах исследователей неопрагматистской ориентации Р. Гронды, В. Колапэстро, А. Топа, Т. Виолы и др. авторов справедливо подчеркивается генетическая связь современных подходов к анализу исторической наррации, присущих аналитической философии истории, с корпусом представлений, обнаруживаемых в работах таких классических фигур прагматизма, как Ч.С. Пирс, Д. Дьюи и Г. Мид (см.: [7; 11; 14]). Действительно, в построениях Пирса, питающих современные нарративистские концепции, присутствуют идеи динамической трансформации во времени закрепленного в языке исторического сознания, запечатлевающиеся в деятельности продуктивного воображения и «неограниченном семиозисе». Работы Дьюи и Мида предвосхищают нарративистскую аналитику прочтения прошлого сквозь призму опыта настоящего. В немалой степени на теоретическую рефлексию создателей современных нарративистских концепций повлияли и публикации таких конкретно ориентированных в своей практической деятельности на принципы прагматизма презентистски мыслящих историков, как Д. Г. Робинсон, Ч. Бирд, М. Бирд, М. Курти, Д. Г. Рэндэл-младший, К. Бекер, Р. Хофстэдтер и др. (см.: [13].)

Уже в работах Ч.С. Пирса присутствует, как полагают исследователи его наследия, желание рассматривать мир в перспективе рассказа о нем, предполагающего динамическую трансформацию его картин, фиксируемых в знаково-символической форме и постоянно корректируемых творческим воображением. Истоки подобной установки, родственной по сути современному нарративизму, некоторые исследователи усматривают во влиянии на молодого Пирса наследия Шеллинга. Позднее, в процессе разработки собственного понимания задач философии прагматизма Пирс подробно анализирует роль времени в контексте человеческого опыта и процесса постижения мира, дискурсивного выражения знания в знаковой форме. Он полагает необходимым «показать, что существенный модус бытия, который прагматицист приписывает событию в будущем, несколько не отличается от того, что он приписывает схожему событию в прошлом; и что отличаются друг от друга только соответствующие практические установки мыслителя» [6, с. 178]. Время в триединстве его модусов прошлого, настоящего и будущего выступает, по Пирсу, непременным условием существования опыта и постижения человеком событий, происходящих в мире. Его аналитика времени и дискурсивных вариантов фиксации такового заставляет вспомнить о наследии Августина. Он подчеркивает, что предложения, запечатлевающие опыт минувшего на базе памяти, оказываются необходимыми для получения знания о настоящем. Одновременно предложения типа «Колумб открыл Америку» своим имманентным содержанием указывают на будущее. Присутствие в настоящем рисуется Пирсу сопряженным именно с моментом чувственной сопричастности непосредственно данному. При этом настоящее связует прошлое и будущее, которому Пирс

придает особое значение в плане потенциальной возможности использования и проверки достоверности имеющегося знания.

Знание фиксируется, по Пирсу, в настоящем в имеющихся границах существующего ресурса знаковых форм, схватывающих мир индивидуальных событий. Предвосхищая современные дискуссии о природе нарратива как целостности, портретирующей события во времени с позиций ситуации настоящего и открытости будущему, он полагал существенным момент потенциального раскрытия значения суждений, запечатлевающих минувшее и настоящее в будущем. «Рациональное значение любой пропозиции – в будущем. Как так? Значение некоей пропозиции само есть некая пропозиция. На деле оно есть не что иное, как сама пропозиция, чьим значением оно оказывается: оно есть ее перевод» [6, с. 172], – заключает Пирс. Рассуждая об открытости смысловой интерпретации суждений, возможности их включения в многообразные повествовательные контексты, значимости в процессе неограниченного семиозиса продуктивного воображения, трактуемого в духе кантовского его истолкования, Пирс предвосхищает тематику видения наррации в произведениях приверженцев аналитической философии истории.

Современная теория исторической наррации, сложившаяся в работах философов-аналитиков, впитала и идеи Д. Дьюи. Проблема наррации ставится этим автором в связи с выдержанной в инструменталистском духе логикой теоретического исследования. Любое конкретное суждение, как полагает Дьюи, несет на себе печать констатации определенной индивидуальной ситуации, немислимой вне пространственно-временных границ. Экзистенциальная предметность, подверженная трансформации, сообщает суждениям темпоральную характеристику. «Экзистенциальная предметность, – констатирует Дьюи, – как подверженная трансформации обладает временной фазой. Лингвистически эта фаза выражена в наррации» [9, с. 221]. Существующее мыслимо лишь в сосуществовании с иным, со своими условиями, и любая трансформация во времени осуществима также в некоторых пространственных обстоятельствах. Лингвистически это предполагает описание. Эти две характеристики, по Дьюи, различаются лишь с целью аналитической фиксации, но в контексте повествования о некоторой цепи событий, взятого как целостность, происходящее во времени обязательно отсылает нас к пространственным обстоятельствам, в которых они осуществляются.

Построения Дьюи, касающиеся специфики наррации, отмечены глубиной рассмотрения этого сюжета, пониманием сложности воспроизведения событий, вершащихся во времени, в контексте описания и интерпретации происходящего. Они выражают платформу, которая обычно характеризуется в исследовательской литературе как «презентистская» и предполагает принципиальную невозможность для историка занять непредвзятую позицию по отношению к исследуемому им предметному полю, поскольку он «ангажирован» в современную ситуацию, так или иначе являющуюся итогом минувшего. Дьюи считает важным в этой связи подчеркнуть свое принципиальное несогласие с пониманием задач исторического исследования, предложенным Л. фон Ранке, сообразно с которым академическое повествование о минувшем предполагает описание «того, как все реально случилось». В этой связи Дьюи иронически замечает: «Произошедшее в истории (*Das geschichtliche Geschehen*) в смысле действительных событий в их реальном осуществлении именуется «историче-

ским» (geschichtlich) лишь предварительно; как нечто подверженное выбору и организации на основе существующих проблем и концепций» [9, с. 237]. История пишется не с чистого листа, а в определенной проблемной перспективе, заданной в настоящем. Можно согласиться с тем, что поиск эмпирических данных, их реконструкция и теоретическая интерпретация в любом типе исторического исследования так или иначе заданы некоторой перспективой, диктуемой позицией автора, «ангажированного» в события современности, укорененные в прошлом. С этим «презентистским» допущением вполне совместим «академизм», если автор исторического сочинения не будет существом всецело идеологически мотивированным и готовым забыть о своем профессиональном долге. Дьюи как раз не настаивает на идеологическом призвании историка, хотя при желании его можно интерпретировать таким образом.

Любой вид исторического исследования, – а к числу таковых Дьюи относит биографические, историю любых процессов и собственно человеческую историю, – так или иначе предполагает, по его мнению, рассмотрение прошлого в перспективе настоящего и будущего. Именно так, на его взгляд, идет создание эмпирического базиса исторической наррации, предполагающее поиск источников, реконструкцию их содержания в настоящем. Наррация предполагает и теоретическую интерпретацию фактуального материала, вплетенную в канву рассказа. Она, по Дьюи, немыслима вне создания предварительной концептуальной стратегии видения событийной цепи. Таким образом автор приходит к заключению, что «писание истории является само по себе историческим событием» [9, с. 237]. Прошлое оказывается органически сопряженным с настоящим во имя достижения определенных человеческих целей. Хотя Дьюи не создал всесторонне проработанной концепции исторической наррации, сформулированный им подход к её анализу во многом стимулировал в дальнейшем размышления о её природе теоретиков аналитической философии истории, а также историков-практиков, принявших установку презентизма.

Платформа рассмотрения исторической наррации, разработанная Дьюи, во много близка её трактовке, представленной в трудах Д.Г. Мида. Именно этот автор связал значимость проблемы повествования с изменением в целом современного понимания задач философского мировидения. Развивая свою философию настоящего, Мид предлагает видение мира как принципиально лишённого субстанциального единства, гетерогенного и сотканного из непредсказуемо явленных в опыте уникальных событий. «Ибо Парменидова реальность не существует. Существование включает в себе несуществование; оно происходит. Мир – это мир событий», – провозглашает он [5, с.43]. Если Парменидова реальность была поиском единого, неизменного и самостоющего бытия как противоположности множественности и становлению, то для Мида мир не может быть заключен в границы единства, подвержен постоянному порождению уникальных событий, творчески эмерджентен. Подобные онтологические проекции делают рассуждения Мида о реальности весьма созвучными духу постклассического философского теоретизирования в его современном варианте.

Поскольку именно взрывающая привычный порядок существующего событийность находится в фокусе внимания Мида, тема темпоральности, взаимосвязи настоящего с прошлым и будущим, дискурсивной фиксации таковой занимает его в наибольшей степени. В этом плане его наследие и возбуждает

интерес современных авторов, разрабатывающих теорию наррации в границах аналитической философии истории. Мид исходит из идеи неотменяемости прошлого, ибо случившиеся события произошли и им не дано повториться. Однако сказанное отнюдь не означает, что прошлое одинаковым образом видится сквозь призму изменяющегося горизонта настоящего. «Историк не сомневается, что нечто произошло. Он колеблется относительно того, что произошло... Но если вдруг возникает что-то новое, то это сразу же сказывается на прошлом. Появляется новое прошлое, ведь с каждым новым подъемом ландшафт, остающийся позади нас, становится иным ландшафтом» [5, с. 51–52], – замечает Мид. Вооружившись должными источниками, историк, по Миду, стремится всегда к адекватному постижению того, что произошло и выглядит «неотменяемым», но он исходит из перспективы настоящего и собственных будущих операций по работе с материалом, выдвижении определенных теоретических интерпретаций такового и попытках найти эмпирическое подтверждение своим мыслительным конструкциям. Одновременно меняется и сам горизонт настоящего, ибо ранее не существовавшие события ведут к иному видению «ландшафта случившегося».

Современное состояние, – и в этом Мид прямо солидаризируется с Дьюи, – способно менять перспективу видения «неотменяемого прошлого» и вести к поиску новых событийных звеньев цепи произошедшего, их интерпретации. Рассуждая о роли исторического знания, Мид заключает, что «ценность и значимость всех историй заключена в интерпретации настоящего и контроле над ним...» [5, с. 71]. Как и Дьюи, он улавливает влияние исторического знания на социокультурный опыт, коллективную память людей. Его идеи, касающиеся этого сюжета, при всей их эскизности и фрагментарности, востребованы создателями аналитической версии трактовки природы повествования о минувшем.

Становление неопрагматизма, представленного именами Р. Рорти, М. Уайта, Р. Бернстайна, Х. Йоаса и др. авторов, оказалось сопряженным с обращением к культурно-историческому опыту как предмету философского анализа. Подобного рода трансформация традиции прагматизма проходила на фоне «лингвистического поворота» и одновременно усиления внимания к проблематике уникальной историчности человеческого существования (см.: [2; 4; 16; 17]). В границах неопрагматизма происходит синтез идей классики прагматизма с платформой лингвистической философии и постпозитивизма и одновременно обращение к тому спектру представлений, которые возникли в русле экзистенциальной герменевтики, постструктурализма и неомарксизма. В этой связи становится понятным интерес теоретиков неопрагматизма к нарративистской проблематике. Хотя варианты восприятия сторонниками неопрагматизма идей аналитической философии и возникшей на её базе эпистемологии истории столь же сугубо индивидуальны и разнообразны, как и типы отношения к традиции мысли прагматизма создателей аналитической философии истории, складывающийся между ними альянс выглядит вполне логичным. В целом подобного рода союз способствовал обогащению нарративистских концепций представлениями о значимости для формирования повествования о минувшем интересубъективных связей, конституирующихся в диалоге, о культурной и ситуативной обусловленности такового, присутствии парадигмальных черт в историческом познании и т.д. (см.: [12]).

Теория исторического нарратива и идеи прагматизма

Влияние идей прагматизма и неопрагматизма прослеживается в контексте обсуждения существенных черт и структурных особенностей нарратива представителями аналитической философии истории. Оно просматривается в первую очередь в рассмотрении вопроса о временной структуре повествования, его неотделимости от жизненного опыта и интересов автора, зависимости прошлого от настоящего и будущего, способе логической и лингвосомиотической фиксации таковой и т.д. Именно в свете этой стержневой линии анализа представители аналитической философии истории обсуждают вопросы о специфике нарративных предложений, их смысле и значении, подтверждении фактов на базе свидетельств источников, аксиологическом и теоретическом компонентах их интерпретации, соотношении истории и хронологии, возможности и способах метаисторической рефлексии и т.д.

М. Уайт справедливо полагал, что альянс идей прагматизма и аналитической философии обусловил саму возможность появления в англо-американском мире особого типа эпистемологически центрированной философии истории и выдвижения в качестве её ядра теории нарратива. Характеризуя мировоззренческую ситуацию, которая привела к рождению его собственного варианта «холистского прагматизма», взрастившего видение феномена исторического повествования, он писал: «В начале двадцатого столетия, Уильям Джеймс и Джон Дьюи подготовили путь к прагматическому исследованию элементов культуры, которое было развито в дальнейшем во второй части столетия работами У.В. Куайна о методе и логике естественных наук, работой Н. Гудмана в области философии искусства, трудами Д. Ролса по этике и моими собственными сочинениями, посвященными этике и философии истории» [17, р. 1]. М. Уайт говорит о том, что создание «холистического прагматизма» как направления, которое, восприняв идеи классики прагматистского и логико-позитивистского теоретизирования, пришло к платформе ревизии пропитанного духом классического рационализма сциентистского понимания задач философии, к осознанию необходимости её обращения к тотальности человеческого опыта и многообразия различных языковых форм его фиксации, было также связано с «лингвистическим поворотом», осуществленным Л. Витгенштейном.

Именно под влиянием теории языковых игр Витгенштейна, а затем и знакомства с философией языка Д. Остина начинает, по признанию самого М. Уайта, складываться его отход от понимания задач аналитического теоретизирования Д. Муром как работы с экстралингвистическими понятиями, атрибутами или высказываниями с тем, чтобы постигнуть аналитические и независимые от опыта истины. Гудман и Куайн, синхронно с его собственными исследованиями, заставили М. Уайта усомниться в возможности строгого разграничения аналитических и синтетических пропозиций, а вслед за тем по-новому увидеть задачу философского исследования как призванного запечатлеть человеческий опыт в его воплощении в многообразии языков культуры. Историческая нарратива оказалась ему близка как предмет философской рефлексии в силу связи с его собственными увлечениями интеллектуальной историей, попыткой осознать, насколько академический подход к изучению прошлого совместим с инспирированным прагматизмом презентизмом.

Разумеется, движение к теории наррации в границах аналитической философии истории отнюдь не всегда было и остается связанным с прямым признанием её представителями себя в качестве развивающих новую версию прагматизма. Х. Фэйн, например, вполне резонно замечает, что некоторые нарративистские теории могут уходить своими корнями не столько в наследие Дьюи, сколько в концепцию Р.Д. Коллингвуда [10, р. 10]. В этом отношении более «коллингвудианскими» по духу выглядят построения У. Дрэя, Л.О. Минка, Х. Уайта и др., тогда как нарративизм М. Уайта, Р. Рорти, А. Топпа, В. Тоцци, Р. Гронды, В. Колапьетро, Т. Виолы и др. связан с признанием прагматистского символа философской веры. Некоторые же крупные теоретики исторической наррации, подобно А. Данто или Ф. Анкерсмиту, используют положения доктрины прагматизма для создания собственных построений, именуя себя приверженцами аналитического теоретизирования.

В целом нарративистские построения, возникающие в границах аналитической философии истории, роднит их обращение к специфической языковой форме повествования об избираемом их авторами сегменте минувшего. «Трудно воздержаться от заключения, – замечает М. Уайт, – что подлинное повествование должно в наибольшей степени интересоваться теоретика исторического познания, поскольку именно оно отличает историю от других типов повествования. Осуществляя наррацию, он предлагает причинные объяснения и сообщает факты истории, но историк – некто больший, чем репортер, освещающий факты, и человек, ищущий причины. Если бы он был только таким существом, дискуссия по поводу общей логики его дисциплины могла бы быть отнесена по ведомству общей эпистемологии. Но по сути, поскольку специалисты по общей эпистемологии концентрируют свое внимание на логике простых, изолированных высказываний – будь то высказывания о прошлом, объяснительные суждения, логические суждения, научные теории или моральные суждения, – они забывают о нарративе, который являет собою специфический тип дискурса, заслуживающий специального рассмотрения» [19, р. 39]. Изучение специфики нарратива как целостности, фиксирующей особую грань человеческого опыта, как представляется М. Уайту, должно способствовать утверждению автономии и нового высокого статуса аналитической философии истории в сообществе философских дисциплин.

Основополагающей характеристикой исторического нарратива является его целостность и временной характер, предполагающий сопряженность прошлого, о котором ведется повествование, с настоящим и будущим. Осмысление этой темпоральной характеристики наррации зачастую ведется со ссылкой на традицию прагматизма, а также на реальную практику историографии, опирающуюся на платформу презентизма. Не являясь в полном смысле этого слова адептом презентизма Ч. Бирда, Г. Фэйн, например, подчеркивает его значимость в плане пробуждения эпистемологического сомнения относительно возможности отрешиться от треволнений и интересов современности при изучении прошлого. «Рассмотрим пример Чарльза Бирда, – пишет он, – Большинство людей находятся под воздействием лишь того самого впечатления, что единственной целью Бирда в его известной “Благородной мечте” была демонстрация невозможности когда-либо достигнуть “объективного” знания о прошлом» [10, р. 126]. Такое впечатление усиливает то, что стремление к ис-

тине в сфере исследования истории им и именуется «благородной мечтой». Сам по себе некоторый скепсис по поводу результатов изучения истории, по мысли Фэйна, не является чем-то странным и предосудительным, ибо сомнение в полноте имеющихся данных или применяемых для их рассмотрения концептуальных средств отнюдь не следует осуждать. Да и были ли суждения Бирда признанием человека, который вообще тотально не верит в возможность получения объективного знания об истории? Фэйн отвечает на этот вопрос негативно, иронично добавляя, что тотальное отвержение Бирдом существования объективного момента в повествовании о прошлом было для него всего лишь «пятничным кошмарным сном» и сам он полагал задачей историка поиск подлинных данных об интересующих его событиях [10, р. 132]. Несколько иначе читается наследие Бирда теми авторами, которые вполне солидарны с прагматистской платформой относительно невозможности постигать имманентный смысл прошлого вне его видения с точки зрения настоящего и перспектив будущего.

Построения Бирда заставляют задуматься над феноменом порожденности исторической наррации теми проблемами постижения минувшего, которые сопряжены с настоящим и возможностями будущего. Несмотря на расхождения в мировоззренческом плане, М. Уайт и А. Данто в одинаковой мере высоко оценивают подход к этому сюжету Дьюи, но по-разному комментируют презентизм Бирда, солидаризируясь лишь в том, что поставленные им вопросы позволяют в критической перспективе увидеть в нарративном повествовании историка многие сложности, стоящие на пути получения надежного знания. М. Уайт полагает возможным в целом позитивно оценить вклад Бирда в смену ориентиров историографии его времени в духе «восстания против формализма» и утверждения специфической линии «историзма» [19, р. 239–242]. Одновременно он отнюдь не однозначно оценивает все труды этого автора, посвященные американской истории, заявляя, что применение прагматизма в области анализа истории – дело достаточно тонкое и далеко не всякий социально-политический интерес исследователя прошлого, его мировоззренческие установки способны повести к созданию достоверной картины такового [19, р. 38]. Отношение Данто к презентизму Бирда выглядит несколько двойственным. Он готов согласиться с тем, что историческая наррация в целом несет на себе в яркой форме печать ценностно-мировоззренческих и теоретических предпочтений того или иного автора. Однако Бирд, на его взгляд, не прав, противопоставляя в этом плане историю естественным наукам, в которых тоже работает этот момент. В этом плане он остается сторонником того образа чистой и не замутненной воздействием «идолов» науки, который был нарисован Ф. Бэконом [3, с. 101]. Различие между историей и наукой, как справедливо подмечает Данто, вопреки Бирду, состоит не в использовании или неиспользовании теоретических схем, а в самом характере таковых. В истории такого рода схемы ведут к построению нарратива. При этом остается, разумеется, вполне актуальным и ориентир создания исторического повествования, отвечающего канонам академичности, стремлением к установлению эмпирически достоверных данных и их всесторонней экспликации и одновременно раскрывающего грани генезиса тех процессов, которые характерны для панорамы современности.

Своеобразным элементарным звеном наррации является предложение о событиях минувшего, и уже на этом уровне анализа повествования обнаруживается своеобразный парадокс обращенности такового к моменту настоящего и будущего. Предложения, описывающие динамику истории, характеризуют в действительности не только момент констатации свершившегося события, но и временная форма фиксации осуществления такового. Так, если воспользоваться примером обращения Данто к предложению «Тридцатилетняя война началась в 1618 г.», в его контексте хорошо прослеживается имманентная отнесенность события начала этой войны с тем её течением и датой окончания, которые являются достоянием субъекта, знающего о итогах и дате окончания таковой. При этом сразу же возникает вопрос о смысле и значении исторических предложений, звучащих в контексте нарратива. Данто обращается в этой связи к идеям прагматизма К.И. Льюиса, который полагал, что предложения о прошлых событиях прямо эмпирически не верифицируемы, а проверяются с использованием свидетельств в настоящем и будущем. Льюису принадлежит идея временного континуума, объединяющего прошлое, настоящее и будущее, в котором ситуирован объект истории. Соглашаясь с его мыслью об обнаружении подтверждения исторических предложений в свидетельствах, Данто пытался обнаружить все же логический путь, позволяющий говорить об их прямом подтверждении. Прибегая к иным версиям трактовки этого вопроса, он не принимает и концепции подтверждаемости исторических предложений в сослагательном наклонении А. Айера в случае потенциального допущения присутствия субъекта опыта во время свершения события. В целом осознавая невозможность оспорить то, что в реальности поле свидетельств, позволяющих потенциально верифицировать исторические суждения, предполагает работу с ними в настоящем и будущем, Данто говорит о логической продуктивности выделения с этой целью их фактуального содержания и временной формы вслед за Кантом. Смысл временных исторических предложений оказывается, с его точки зрения, в целом определяемым их возможной эмпирической подтверждаемостью, тогда как истинность или ложность – результатом верификации на базе свидетельств. Правда, некоторые темпоральные исторические суждения оказываются осмысленными, но прямо не верифицируемыми [3, с. 66]. Примером в этом плане он избирает предложение: «Восхождение Петрарки на Ванту символизирует начало Возрождения». Действительно, ни само описание восхождения на Ветреную гору близ Авиньона в апреле 1336 г., содержащееся в письме Петрарки к другу, ни свидетельство совершившего с Петраркой подъем на вершину его брата Джерардо не говорят прямо ничего в пользу трактовки этого события как начала Ренессанса. Символический смысл этого достоверного события подтверждается лишь его отнесением к более широкому социокультурному контексту. И здесь построения Данто входят в поле тяготения воззрений Витгенштейна и Куайна.

Поскольку нарратив слагается из многообразия предложений, его существование предполагает обнаружение возможного основания их единства. Таковым, по верному замечанию М. Уайта, может быть индивидуальный или коллективный субъект, эволюция которого во времени занимает историка. «Наиболее типичным нарративом является такой, в котором, – пишет он, – главный субъект существовал, или некогда действительно существовал, на протяжении длительного периода времени, и задачей типичного рассказчика

является создание последовательного повествования о развитии этого главного субъекта» [18, р. 223]. Протагонистом исторического повествования, как и романа, может быть индивидуальный субъект, и все их отличие будет в принципе состоять, по М. Уайту, в том, что герой художественного произведения – итог творческого вымысла, а истории – реальное лицо. Но главным героем, продолжает он, вполне может быть и страна, группы людей на некотором отрезке их пребывания в историческом времени. Таким образом, целостность исторической наррации выглядит, сообразно с избранным М. Уайтом подходом, производной в конечном счете от истории, повествующей о существовании во времени субъекта, привлечшего внимание автора.

Хотя подход к феномену наррации М. Уайта не противоречит по сути предлагаемому Данто, последний скорее склонен акцентировать момент целостности нарратива как рассказа о значимых изменениях в человеческих сообществах с точки зрения их современного смыслового звучания. «В задаче истории, – пишет он, – входит выявить эти изменения, организовать прошлое во временные целостности и объяснить эти изменения, одновременно рассказывая о том, что произошло, и используя временную перспективу, отражаемую в языке в виде нарративных предложений» [3, р. 241]. В полемике с Пирсом Данто утверждал, что, хотя событие прошлого в определенном смысле «неподвижно», оно погружено в фон «прирастающих» к нему последующих событий, также принадлежащих минувшему, определяемому ситуацией настоящего. Конечно же в этом смысле его воззрения сразу заставляют вспомнить о подходе к этому сюжету не только критически осмысленного им учения Льюиса, но Дьюи. Свои размышления о заданности повествования динамикой временной формы осуществления событий Данто дополняет эпистемологическими соображениями о значимости того ракурса их подачи, который избирается историком. Последнее обстоятельство, как отмечает В. Тоцци, чрезвычайно важно для понимания способа аранжировки многообразия типов предложений, входящих в нарратив, для достижения задачи исторического исследования [15, р.11].

В контексте обсуждения вопроса об имманентной структуре наррации в произведениях сторонников аналитической философии истории, испытавших влияние традиции прагматизма, активно переосмысливается тема взаимосвязи истории и хроники, которая была сформулирована в произведениях Б. Кроче. Итальянский философ, как известно, противопоставлял хронике как непредвзятую фиксацию хода событий минувшего во времени истории, написанной с позиций настоящего и принципиально выражающей особую аксиологическую и теоретическую «предвзятость» автора. Вопрос о взаимосвязи истории и хроники обсуждается представителями аналитической философии истории в ракурсе рассмотрения наррации как содержащей многообразие причинно-следственных цепей, выделения в них главных и определяющих причин тех событий, которые находятся в фокусе внимания автора повествования. Именно в этом плане ими обычно анализируется и вопрос о наличии «охватывающих законов» в истории, позволяющих эксплицировать обнаруживаемые факты и строить канву наррации без их непосредственного упоминания. Наряду с ним традиционно звучит и тема рациональных оснований поступков субъектов истории. Очевидно, что при этом нельзя также обойти вниманием и сюжет теоретико-мировоззренческих оснований аналитики причинно-следственных

связей, осуществляемой историком. Если М. Уайт говорит о сопровождении повествования коррелятивной ему хроникой, то А. Данто вовсе низвергает крочеанское противопоставление истории и хроники, делая их в равной мере зависимыми от момента настоящего.

«История может быть привычным образом отличима от хроники фактом наличия в истории причинных предложений» [18, р. 223], – пишет М. Уайт. Если хроника констатирует произошедшее событие, то история включает его в цепь причинно-следственных связей. «Поскольку история утверждает причинные связи, – продолжает он, – мы можем представить историю как логическое соединение высказываний, большинство из которых являются индивидуальными причинными утверждениями» [18, р. 223]. Выделение причинных цепей, их взаимодействие рассматривается М. Уайтом на фоне проблемы «охватывающих законов», хотя и с некоторыми критическими добавлениями к принимаемой им модели К. Поппера и К. Гемпеля. «Охватывающие законы» выглядят в его прочтении своеобразными «скрепами» наррации. Важным моментом организации исторического повествования, по М. Уайту, оказывается как выделение главных причин, срабатывающих в порождении событий, так и осознание роли рационального решения и действия ведущих протагонистов анализируемых процессов. При этом в противоположность крочеанской позиции хроника не без основания рассматривается М. Уайтом как некий побочный продукт исторического повествования, которое всегда зависит от выбора задач и магистральной линии видения свершившихся событий историком в ситуации настоящего. Набор ценностно-мировоззренческих и теоретических предпочтений историка, как подчеркивает он, оказывается в этом процессе главным и определяющим [18, р. 264].

А. Данто также не принимает проведенного Кроче противопоставления истории и хроники, поскольку нельзя говорить об отстраненном, «неангажированном» взгляде на минувшее хрониста, так же как и историка, обреченного на оценку значимости событий после их свершения в момент настоящего, хотя он и не должен высказываться прямо о главных и второстепенных причинах их порождения и прочих моментах описываемого прошлого. Данто убедительно показывает невозможность построения «идеальной хроники», которая бы «сообщала не меньше, чем мы хотим знать, и не больше, чем мы можем знать» [3, с. 175]. Ситуация во времени хрониста событий и его цели коррелируют с проблемой полноты его творения. Подобно М. Уайту, Данто рассуждает об «охватывающих законах» как элементах задающих возможность экспликации причин произошедшего и зачастую отпавном моменте построения нарративных причинных цепей, теорию соподчинения которых в перспективе смещения горизонта настоящего он развивает в достаточно нетривиальной перспективе.

Обычно теоретики наррации, работающие на платформе аналитической философии истории и испытавшие влияние прагматизма, говорят о том, что историческое повествование как целое трудно охарактеризовать как «истинное» или «ложное», в то время как отдельные нарративные предложения, которые его составляют, могут быть оценены в этой перспективе гораздо проще. Основным критерием правдоподобия, надежности нарратива оказывается, в их понимании, его способность инструментально охватить рассматриваемые явления, процессы в перспективе максимальной полноты раскрытия конститу-

ирующих их причинно-следственных связей. Своеобразным парадоксом нарративности выступает, по М. Уайту, то, что отдельные части повествования могут быть охарактеризованы как эмпирически и теоретически обоснованные, но одновременно в нем будут намеренно опущены важные реалии рассматриваемого явления, процесса [18, р. 268]. Этого, как представляется ему, можно избежать, соединяя плюрализм и энциклопедизм в изучении истории.

Нарратив, по Данто, выступает как попытка описать прошлое в его полноте, которая изначально не может быть реализована, в силу исторической ситуированности субъекта и многогранности описываемой им предметности. «Полное описание, – заключает он, – таким образом, предполагает, что оно организовано в виде повествования, а подобную организацию описания создаем мы сами. Не только это, но само использование повествовательной организации предполагает непреодолимый субъективный фактор» [3, с. 138]. Данто куда более категоричен в своем понимании ограниченности любого повествования, нежели М. Уайт. Релятивизм Данто укрепился на базе восприятия идей не только Куайна, но и Т. Куна, повлияв на финальный вариант созданной им теории исторического повествования [8, р. 72].

В конечном итоге нарратив оказывается связанным с историческим опытом, резюмируя его содержание, выходящее за рамки рассказа. Одновременно наррация вносит свой вклад в конституирование исторического опыта. Именно поэтому Данто, ссылаясь на Дьюи, говорит, что опыт настоящего невозможно воспроизвести вне его предикативного описания, отсылающего к опыту прошлого. Он заключает, что «исторический инструментализм почти несомненно корректен» [3, с.82]. Ф. Анкерсмит, характеризующий себя как наиболее последовательный сторонник Р. Рорти и его концепции лингвистического поворота, также подчеркивает возникновение наррации в контексте исторического опыта и непреходящую роль для понимания этого обстоятельства наследия Д. Дьюи [1, с.339].

Многие из представителей аналитической философии истории создают свое видение исторического нарратива в поле влияния идей прагматизма и неопрагматизма. Возникнув в качестве итога «лингвистического поворота» в западной мысли, нарративистский тренд в границах аналитической философии истории испытал достаточно серьезное воздействие наследия Ч.С. Пирса, Д. Дьюи, Г. Мида, Р. Рорти, У. Куайна и других крупных теоретиков прагматизма и неопрагматизма. В этой перспективе у ряда ведущих представителей аналитической философии истории складываются представления о специфике нарративных предложений, взаимосвязи истории и хроники, структурной организации исторического повествования, неразрывными узами сопряженного с настоящим и будущим, ценностно-мировоззренческих и теоретических основаниях формирования такового. Историческая наррация предстает в горизонте коммуникативных связей субъектов, предполагающих диалог, а порой и конфликт практических установок, мировоззренческих и теоретических позиций, существование различных парадигм видения прошлого. Она рассматривается в непосредственной взаимосвязи с целостностью исторического опыта. Таким образом, освоение корпуса идей прагматизма и неопрагматизма способствовало созданию нового круга проблем и подходов к их рассмотрению в границах аналитической философии истории.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 611 с.
2. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // Вестн. Твер. ун-та. Сер. «Философия». 2017. № 2. С. 165–177.
3. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 290 с.
4. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 44–55.
5. Мид Д.Г. Философия настоящего. М.: Изд. дом высш. шк. экономики, 2014. 271 с.
6. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 1. 318 с.
7. Colapietro V. The Historical Past and the Dramatic Present. Toward a Pragmatic Clarification of Historical Consciousness // European Journal of Pragmatism and American Philosophy [Online], VIII-2, 2016. URL: <http://journals.openedition.org/ejap/627>; DOI: 10.4000/ejap.627. 37 p.
8. Danto A. The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // A New Philosophy of History/ Ed. by F. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70-88.
9. Dewey J. Logic. The Theory of Inquiry. N.Y.: Henry Holt and Company, 1938. 546 p.
10. Fain H. Between Philosophy and History. The Resurrection of Speculative Philosophy of History Within the Analytic Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1970. 329 p.
11. Gronda R., Viola T. Pragmatism and the Writing of History // European Journal of Pragmatism and American Philosophy [Online], VIII-2, 2016. URL: <http://journals.openedition.org/ejap/623>. 3 p.
12. Kellner H. Introduction: Describing Redescriptions // A New Philosophy of History/ Ed. by F. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 1–20.
13. Kloppenberg J.T. Pragmatism and the Practice of History: From Turner and Du Bois to Today // The Range of Pragmatism and the Limits of Philosophy. Ed. by R. Shusterman. Oxford: Blackwell, 2004. P. 197–220.
14. Topa A. «I Have to Confess I Cannot Read History So» , On the Origin and Development of Pierce's Philosophy of History // European Journal of Pragmatism and American Philosophy [Online], VIII-2 , 2016. URL: <http://ejap.revues.org/628> DOI: 10.4000/ejap.62. 25 p.
15. Tozzi V. Dewey, Mead, John Ford, and the Writing of History. Pragmatist Contribution to Narrativism // European Journal of Pragmatism and American Philosophy [Online], VIII-2, 2016. URL : <http://ejap.revues.org/641> ; DOI : 10.4000/ejap.641. 22 p.

16. Vann R.T. *Turning Linguistic: History and Theory and History and Theory, 1960-1975 // A New Philosophy of History/* ed. by F. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P.40-69.
17. White M. *A Philosophy of Culture. The Scope of Holistic Pragmatism.* Princeton: Princeton University Press, 2002. 194 p.
18. White M. *Foundations of Historical Knowledge.* N.Y.; L.: Harper and Row, 1965. 299 p.
19. White M. *From a Philosophical Point of View.* Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005. 355 p.

ANALYTICAL PHILOSOPHY OF HISTORY NARRATION THEORY AND PRAGMATISM HERITAGE

B.L. Gubman

Tver State University, Tver

The article is aimed at examining the impact of pragmatism and neo-pragmatism heritage on the formation of narration theory in the format of analytical philosophy of history. It reveals that that the result of pragmatism and neo-pragmatism ideas assimilation by some leading representatives of analytical philosophy of history is presented in their interpretation of narrative sentences specific properties, history and chronicle relations, structural organization of historical narration inextricably bonded to the present and the future, as well as in their understanding of value-world outlook and theoretical foundations role in narration.

Keywords: *analytical philosophy of history, narration theory, pragmatism, neo-pragmatism, narrative sentences, narrative, history and chronicle.*

Об авторе:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: gubman@mail.ru

Author information:

GUBMAN Boris Lvovich – PhD, professor, Chair of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: gubman@mail.ru